

логическая мысль. – М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462–525.

19. *Кирдина, С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию / С. Г. Кирдина. – СПб.: Нестор История, 2014. – 468 с.

20. Устав о сибирских киргизах. Закон 29127 [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. – Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=417&part=177. – Дата доступа: 21.01.2022.

21. *Сандерленд, В.* Министерство азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство / В. Сандерленд // *Imperium inter pares: Роль трансфертов в российской империи* / под ред. М. Ауста, Р. Вильпиус, А. Миллера. – М.: НЛО, 2010. – С. 21–39.

22. *Барахвостов, П. А.* Трансформация институциональной матрицы Великого княжества Литовского в составе Российской империи / П. А. Барахвостов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки.* – 2020. – № 4. – С. 53–64.

23. *Зубков, К. И.* Сибирский приказ как институт регионального управления (XVII–XVIII вв.) / К. И. Зубков // *Уральский исторический вестник.* – 2015. – № 4(49). – С. 26–35.

24. *Островский, И. В.* Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма / И. В. Островский. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. – 309 с.

(Дата подачи: 15.02.2022 г.)

С. В. Венедиктов

Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, Могилев

S. Venidziktau

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus, Mogilev

УДК 007

ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН ЭПОХИ ПОСТПАНДЕМИИ

DIGITAL CIVIL SOCIETY AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON OF THE POST-PANDEMIC ERA

В статье анализируются изменения в системе доминирующих практик гражданского взаимодействия, обусловленные реалиями информационного общества. Приводится определение цифрового гражданского общества, выявляются его специфика и функциональные характеристики. Показано влияние эпохи постпандемии на формирование матрицы критериев цифровой гражданской ответственности, среди которых называются способность к информационной солидаризации и стремление к формированию информационного иммунитета. Цифровое гражданское общество рассматривается в качестве

гаранта национальной безопасности государства в информационно-коммуникативной сфере в условиях инфодемии – «эпидемии дезинформации».

Ключевые слова: гражданское общество; цифровое гражданское общество; цифровая гражданственность; коммуникация; эпоха постпандемии; информационный иммунитет; информационная безопасность; инфодемия.

The article explores changes in the system of dominant practices of civil interaction, due to the realities of the information society. The definition of digital civil society is given, its specificity and functional characteristics are revealed. The influence of the post-pandemic era on the formation of a matrix of criteria for digital citizenship is shown, among which are the ability for informational solidarity, the desire to form informational immunity. Digital civil society is considered as a guarantor of the national security of the state in the information and communication sphere in the context of an infodemic – an «epidemic of disinformation».

Keywords: civil society; digital civil society; digital citizenship; communication; post-pandemic era; information immunity; information security; infodemia.

Процессы глобализации и цифровизации коммуникативного пространства влекут за собой взаимопроникновение различных сфер жизнедеятельности социума: политической, информационно-коммуникативной, гуманитарной, культурной и т. д. При этом создаются условия для возникновения синергетического эффекта от взаимодействия структур, которые ранее развивались и функционировали на локальном или национальном уровне. В первую очередь это касается структур гражданского общества, получившего в стремительно трансформирующейся информационной сфере потенциал выхода за национальные рамки, гражданского взаимодействия в пространстве межгосударственной, глобальной коммуникации [3, с. 30–31]. На уровне гражданского общества происходит процесс формирования ценностно-ментальных оснований новой цифровой идентичности.

Обобщение устоявшихся трактовок показывает наличие двух принципиально различных взглядов на природу гражданского общества. Одни исследователи характеризуют его как общественную систему в целом, достигшую определенного уровня развития. Другие – как особую сферу социума, отличную от государственных структур. В рамках второго подхода выделяется три варианта содержания понятия гражданского общества: 1) социальная реальность, противостоящая государству; 2) частная сфера, отличная от государственной и общественной; 3) публичная сфера, опосредующая отношения между частной сферой и государством [2].

Мы предлагаем рассматривать гражданское общество как общественно-частную сферу, занимающую промежуточное место между личностью и государством и выполняющую функцию координации общественных и частных интересов [3, с. 34]. С этих позиций его можно представить также как коммуникативный процесс между гражданином и государством, приобретающий форму «интерсубъективного дискурса» (Э. Гидденс [11]) или «коммуникативной рациональности» (Ю. Хабермас [9]). Именно интеграль-

ная совокупность составляющих делает гражданское общество комплексом структурированных норм социальной активности [5].

В условиях изменения в системе доминирующих практик гражданско-го взаимодействия, обусловленного новыми реалиями информационного общества, происходит неизбежная трансформация коммуникативного процесса между гражданскими и государственными структурами. На наш взгляд, в первую очередь необходимо вести речь о цифровизации данного процесса, повышении функционально-ролевого статуса информационно-коммуникационных технологий и изменении онтологической парадигмы гражданина как представителя среднего класса – ядра гражданского общества в традиционных представлениях. Общественная значимость начинает все более отождествляться с информационной значимостью, возможностью и способностью оказывать коммуникативное воздействие в публичном дискурсе, а понятие социального капитала в современных реалиях точнее будет определить как «социально-информационный капитал».

В этой связи полагаем оправданным введение в научный оборот понятия «цифровое гражданское общество», которое достаточно корректно описывает ту часть общественно-частной сферы, которую затронули процессы цифровизации и виртуализации социального взаимодействия. Признанные международным сообществом принципы этого феномена отражены в Окнинской хартии глобального информационного общества (2000), Декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (2003), Плана действий Тунисского обязательства (2005) и др. При наличии множества определений понятия «цифровое общество» и его исчерпывающей теоретической проработке (существенно признание того факта, что информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан (цит. по [6, с. 180]) четкая и полная дефиниция цифрового гражданского общества в научном дискурсе отсутствует. Мы предлагаем следующее определение: общественно-частная сфера, локализованная в цифровом коммуникативном пространстве, занимающая промежуточное положение между личностью и государством и выполняющая функцию координации общественных и частных интересов в условиях развития информационного общества и цифровой экономики.

Говоря о цифровом гражданском обществе, следует учитывать специфику: 1) субъектов интеракции (с философской точки зрения – граждане как пограничные, виртуально-социальные личности, а также гражданские формирования, построенные на принципах сетевой коммуникации как внутри сообществ, так и с внешней, физической средой); 2) способов интеракции (гибридные действия символического либо физического характера на основе виртуальных форм солидаризации); 3) целей интеракции (изменение социально-политической, экономической реальности способно замещаться самодостаточными коммуникативными практиками в сетевом пространстве); 4) источников гражданской активности (их вторичность,

взаимообусловленность проявлениями активности в офлайн-пространстве).

Последний пункт требует пояснений, так как является достаточно дискуссионным, будучи связанным с ответом на вопрос о возможности существования цифрового гражданского общества в условиях несформированности гражданского общества в его традиционном понимании. На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос будет отрицательным, если принять во внимание тезис о том, что гражданское общество отражает достаточно высокую степень социальной зрелости, которая может быть сформирована исключительно в традиционных практиках интерактивной демократии. Поэтому далеко не любая активность в цифровом пространстве является проявлением активности гражданского общества, равно как и не любая сетевая личность является отображением реальной личности, выражающей мотивированное целеполагание и через виртуальные действия реализующей реальные гражданские инициативы. В качестве примера можно привести проявления протестной активности в социальных сетях, которые неизменно фиксируются в периоды обострения политических противоречий в государствах с различными экономическими укладами и различными типами общественно-политических систем. Подобная активность, носящая преимущественно деструктивный характер, чаще всего противоречит устоявшимся в конкретном социуме практикам выражения интересов гражданского общества, что является критерием незрелости последнего (т. е. выражение общественно-частных интересов в публичном дискурсе невозможно, пока эти интересы не сформированы и не структурированы). Напротив, в государствах с развитой общественно-частной сферой, в которых произошел переход от «экспрессивной» к «интерактивной» демократии, наблюдается тенденция к формированию относительно равновесной системы «традиционное гражданское общество / цифровое гражданское общество», где проявление активности в одной подсистеме логично сопровождается активностью в другой. Таким образом, происходит своеобразный транзит практик гражданского взаимодействия в цифровую среду, при котором симметричное развитие офлайн- и онлайн-активности общественных структур служит критерием для выявления существования самого цифрового гражданского общества.

Рассматриваемое в данной статье понятие актуализировалось в новой социальной реальности, формирующейся с 2019 г. в связи с пандемией COVID-19. Период, который уже принято характеризовать как эпоху постпандемии, имеет очевидную коммуникативную специфику, что отразилось на процессах, происходящих в структурах традиционного гражданского общества. В эпоху постпандемии условия для развития практик гражданской коммуникации (наличие символического пространства, инфраструктуры, субъектов, целей, аксиологических ориентиров и т. д.) виртуализируются, преодолевая ограниченность физического мира; интернет-среда создает новое символическое пространство, в котором нейтрализуется национальная

специфика, и устанавливает новые стандарты социального взаимодействия [4, с. 612].

В контексте исследования принципиальное значение имеют следующие особенности эпохи постпандемии: 1) социальное дистанцирование (вызывает изменение привычных моделей гражданской активности, нейтрализует устоявшиеся механизмы солидаризации при обсуждении и решении общих проблем); 2) замещение привычных практик социального взаимодействия дистанционными формами в информационно-коммуникационной среде Интернета (снижает роль эмотивного фактора социальной интеракции, препятствует развитию эмпатии, заинтересованности в достижении общего результата); 3) массовое распространение искаженной, недостоверной, манипулятивной информации, фейков (формирует общее недоверие граждан к содержанию публичного дискурса, в том числе к информации, предоставляемой официальными государственными структурами); 4) подверженность граждан негативному медиаинформационному воздействию, снижение индивидуального «информационного иммунитета» – способности к самостоятельной оценке степени достоверности сведений, распространяемых в медиасфере (снижает устойчивость общества к манипуляциям со стороны акторов публичной сферы).

При ограниченности вариантов социального взаимодействия (например, в условиях вынужденной изоляции, минимизации физических контактов, закрытия границ, «локдауна») проявляется «компенсаторная функция цифровой коммуникации, в результате чего виртуальное взаимодействие становится нормой, доминирующей формой общения, новым стандартом соприкосновения гражданских структур; виртуальное взаимодействие в массовом восприятии становится реальным, замещая привычную активность» [4, с. 613].

Можно утверждать, что постпандемия, с одной стороны, ускорила процессы цифрового транзита гражданского общества, который начался за десятилетия до COVID-19, с другой – сформировала абсолютно уникальные условия публичной коммуникации, внесла коррективы в аксиологическую систему общества, в расстановку приоритетов глобальной политики. Эпоха постпандемии видоизменила и функциональные характеристики цифрового гражданского общества, проявляющиеся через уровень гражданственности. В классическую матрицу критериев гражданственности включаются способность социального взаимодействия, высокий уровень социальной ответственности, структурирование устойчивых частных интересов и их координация с интересами общественными [2]. В новой, «цифровой» матрице критериев появляются такие показатели, как способность к информационной солидаризации, стремление к формированию личной культуры медиапотребления и информационного иммунитета – индивидуального вклада гражданина в обеспечение информационной устойчивости общественной системы.

Мы считаем, что в новых коммуникативных реалиях эпохи постпандемии именно наличие высокого уровня медиаинформационной культуры,

проявляющейся в избирательном и сознательном потреблении массового информационного продукта, стремлении к объективности в выстраивании индивидуальной повестки дня (как на локальном, так и на глобальном уровне), к координации личных интересов с общественными в информационной сфере, составляет основу поведения индивида как представителя цифрового гражданского общества. Позитивная направленность цифровой гражданственности может быть диагностирована через снижение общего уровня конфликтности в публичном дискурсе, а также повышение индекса социального доверия (англ. Index of Social Trust), который характеризует нацеленность граждан на устойчивое функционирование социально-политической системы. В данном случае действует достаточно прозрачный принцип: доверие сограждан укрепляет статус формальных социальных структур и институтов (в области политики, образования, здравоохранения, охраны правопорядка, в коммунальной сфере и т. д.), что создает общую благоприятную коммуникативную среду для позитивной солидаризации и снимает напряженность формализованных отношений, которая могла бы проявиться в сетевом пространстве (в виде протестной активности, негативного информационного фона и т. п.) [1]. Например, виртуальная «Программа добровольцев ООН» имеет девиз «Изменить мир через онлайн-волонтерство» [12], популярность набирает также движение цифрового экологического активизма: «Уход в виртуальность – новая реальность для многих активистов, а для экологического просвещения становится важным создание мощного информационного экологического поля» [10].

Следуя подобной логике, можно предположить, что функционирование цифрового гражданского общества, отражающего общую зрелость социума, является весомым фактором обеспечения информационной безопасности общества и государства. Под информационной безопасностью понимается состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере (глава 3 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь) [7]. Исходя из приведенного в Концепции определения можно выделить точки соприкосновения понятий информационной безопасности и цифрового гражданского общества: 1) оба понятия предполагают наличие структурированной системы взаимообусловленных общественно-частных интересов, связанных с интересами государства в целом; 2) оба понятия связаны с функционированием информационно-коммуникативного пространства; 3) цифровая гражданственность, как было показано ранее, предполагает осознание потенциальных и реальных угроз в информационной сфере и выбор соответствующей им модели индивидуального и коллективного поведения. Полагаем, что в структурах цифрового гражданского общества реализуется уровень информационной безопасности, который может быть охарактеризован как «гражданский». Учитывая сетевой, децентрализованный характер актуального типа массовой коммуникации, сложность

информационной консолидации общества, несовпадение государственных границ с границами информационными, гражданский уровень информационной безопасности становится мощным фактором внутренней интеграции социума, от которого во многом зависит его устойчивость к внешнему манипулятивному влиянию.

С этой точки зрения цифровое гражданское общество необходимо рассматривать в качестве гаранта национальной безопасности государства в информационно-коммуникативной сфере, что особенно актуально в условиях т. н. инфодемии – «эпидемии дезинформации». Понятие инфодемии, введенное в оборот в 2019 г. Всемирной организацией здравоохранения для описания массового распространения недостоверных сведений, связанных с COVID-19, достаточно точно характеризует общие негативные тенденции в глобальном информационном пространстве. Угрозы инфодемии связаны с искажением информационной картины мира, манипуляцией виртуальными формами коммуникации, распространением негативных форм сетевой активности на гражданском уровне, утратой информационного суверенитета на уровне государственном. Исследователи отмечают «стремление отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве, невозможность осуществить справедливое управление безопасным и устойчивым функционированием сети Интернет в связи с существующим в настоящее время распределением ресурсов между странами» [6, с. 177], что является проявлением принципов «мягкой силы». Поэтому коммуникативную консолидацию, солидаризацию в рамках цифрового гражданского общества следует считать критериями зрелости общественной системы в целом, равно как и показателями эффективности государственного курса по реализации концепции информационной безопасности [7; 8].

Перспективы дальнейшей эволюции цифрового гражданского общества обусловлены необходимостью его трансформации из теоретического конструкта в часть социальной реальности, отражающую развитие глобально-информационно-коммуникативного пространства, смену парадигмы информационной компетентности личности, изменение типа коммуникации в системе «личность – общество – государство». Неизбежным последствием этого процесса мы считаем выход цифрового гражданского общества за национальные рамки, что в условиях постпандемии способно частично компенсировать социальную изолированность и снижение интенсивности межкультурного взаимодействия.

Список использованных источников

1. *Венидиктов, С. В.* Информационное взаимодействие в интеграционных формированиях: структурно-функциональная характеристика пространства медиакоммуникации: монография / С. В. Венидиктов. – Могилев: Могилев. ин-т. МВД, 2019. – 176 с.
2. *Венидиктов, С. В.* Медиакоммуникация в гражданском обществе: интеграционный ресурс: монография / С. В. Венидиктов. – Могилев: Могилев. ин-т. МВД, 2016. – 180 с.

3. *Венидиктов, С. В.* Медиакоммуникация в развитии евразийского пространства: стратегический ресурс интеграции: монография / С. В. Венидиктов. – Минск: БГУ, 2018. – 263 с.

4. *Венидиктов, С. В.* Межкультурная коммуникация в условиях виртуализации социального взаимодействия / С. В. Венидиктов // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2022. – Вып. 5. – Ч. 1. – С. 612–613.

5. *Гегель, Г.* Философия права / Г. Гегель // Философское наследие. – М.: Мысль, 1990. – 420 с.

6. *Костина, А. В.* Цифровое общество: новые возможности – новые угрозы / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 3. – С. 172–183.

7. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З: в ред. от 24 мая 2021 г. № 111-3 // АПС «Бизнес-Инфо»: Беларусь / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.

9. *Фливерг, Б.* Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества / Б. Фливерг // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 127–135.

10. Цифровизация общества – новая реальность [Электронный ресурс] / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. – Режим доступа: <https://grans.hse.ru/news/414816050.html>. – Дата доступа: 04.02.2022.

11. *The New Egalitarianism* / ed. by A. Giddens and P. Diamond. – Cambridge: Polity Press, 2005. – 254 p.

12. United Nations Volunteers Program [Electronic resource] / UN official site. – Mode of access: <https://www.unv.org/>. – Date of access: 04.02.2022.

(Дата подачи: 08.02.2022 г.)

Т. Б. Волочков
ЧУП «Пиплос Медиа», Минск

T. Volochkov
PUE Piplos Media, Minsk

УДК 32.09.5

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВЕБ 2.0 НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

THE IMPACT OF WEB 2.0 DIGITAL TECHNOLOGY ON THE POLITICAL PROCESS

Статья посвящена определению влияния современных коммуникативных технологий Веб 2.0 на динамику политических процессов. В статье изучена диалектика технических, цифровых и социальных инструментов информационно-коммуникативных технологий с точки зрения их воздействия на политический процесс. Показана роль техноло-